

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС венгерского государственного преступника Райка и его сообщников

Свидетели подтверждают, что нити заговора ведут в Белград и Вашингтон

Допрос свидетелей

БУДАПЕШТ, 20 сентября. (ТАСС). Сегодня на процессе государственного преступника Райка и его сообщников суд перешел к допросу свидетелей.

Свидетель Лайош Бокор, шурин Райка, бывший капитан хорватской полиции, рассказывает подробности о том, как Райк в его присутствии был завербован в полицейские агенты. Свидетель показывает, что подсудимый Райк, будучи в 1931 году арестованным за связь с революционным студенческим движением, на допросе рассказал все, что знал об этом движении, и без колебаний согласился подписать обязательство работать на полицию.

В этом обязательстве, по словам свидетеля, говорилось о том, что Ласло Райк обязуется доводить сведения венгерской политической полиции все, что знает о коммунистическом движении в Венгрии.

— В июне 1932 года, — говорит Бокор, — Райк был арестован снова. Но мне, как и в прошлый раз, удалось за помощью его брат Дьюла Райк. Я пошел к начальнику тайной полиции Шомбор-Швейнитцеру, который мне заявил, что арестована целая группа студентов, но, так как это сделано по доносу Райка, то он арестован только для отвода глаз.

В 1936 году, рассказывает свидетель, Шомбор-Швейнитцер попросил меня организовать переезд Райка в Чехословакию, чтобы тот мог обнаружить связь между венгерскими и чехословацкими коммунистами. Я выполнил эту просьбу. Встретив меня через несколько недель, Шомбор-Швейнитцер заявил, что Райк успешно работает над выполнением задания.

Следующим допрашивается свидетель Оскар Боерски, который раньше носил фамилию Эдвард. Он был главным инспектором политической полиции Хорти, секретарем и доверенным лицом начальника политического отдела главного управления полиции Венгрии Хетени, предложившего Райку работать на полицию. Эдвард принимал участие в вербовке агента.

— Когда Хетени, — говорит свидетель, — предложил Райку работать на полицию, тот сразу же согласился и заявил, что считает себя способным для выполнения возлагаемых на него обязанностей. Райк подписал обязательство и в тот же день был освобожден.

Свидетель рассказывает подробно о деятельности Райка в качестве шпиона-прокатчика хорватской тайной полиции, приводя те же факты, о которых говорил подсудимый Райк в своих показаниях.

Свидетель Леош Ференц рассказывает, что в январе 1945 года он выступал в качестве прокурора на процессе в Шопронкехиде по делу группы участников движения сопротивления. Он говорит, что, представ перед судом, Райк попросил вызвать в качестве свидетеля его двоюродного брата, статс-секретаря правительства Салаши Эдварда Райка, а также Хетени, Хайна и Шомбор-Швейнитцера. Эдвард Райк, говорит свидетель, заявил на суде, что его брат Ласло Райк никогда не был сторонником левого движения, что он является искренним, приверженным сторонником Салаши. После того, как выяснилось, что Райк состоит на службе в полиции, военно-полевой суд принял решение под благовидным предлогом оправдать Райка. Остальные подсудимые были приговорены к смертной казни или длительному тюремному заключению.

Свидетель Иштван Штолте рассказывает, что в 1945 по 1947 год, находясь в Венгрии по распоряжению, он состоял на службе американской разведывательной организации «Си-Ай-Си». До этого, как показывает Штолте, он состоял на службе в политической полиции Хорти. С подсудимым Райком он знаком с 1931 г. Вместе с Ласло Райком, дело которого военно-полевой суд прекратил и передал гражданскому суду, Иштван Штолте, также находившийся в Шопронкехиде, был вывезен в Германию. Штолте собирался пробраться на запад, и Райк, узнав об этом, попросил его попытаться пойти в американской зоне оккупации Шомбор-Швейнитцера и сообщить ему, что он Райк, возвращающийся в Венгрию.

Так как я знал, говорит свидетель, троцкистское прошлое Райка и его работу на политическую полицию, мне было ясно, что он хочет установить связь с англичанами.

Я нашел Шомбор-Швейнитцера, который, как оказалось, работал в «Си-Ай-Си» в качестве советника по делам Венгрии и занимался вербовкой и засылкой агентов. Шомбор-Швейнитцер представил меня своему начальнику Каллау. Они спросили меня, считал ли я Райка способным играть крупную роль в руководстве венгерской компартии. Каллау заявил, что он найдет способ использовать Райка.

Следующим допрашивается в качестве свидетеля бывший статс-секретарь премьер-министра

Венгерской республики Эндре Себеньи. Он рассказывает, что, когда в первой половине 1947 года шло следствие по делу антиреспубликанских заговорщиков (дело Дьердь Донат и др.), он, будучи тогда статс-секретарем министерства внутренних дел, был очевидцем того, как министр внутренних дел Ласло Райк всячески препятствовал полному разоблачению заговорщиков. Райк сам вел следствие. Когда начала выясняться связь с заговорщиками министра обороны Альберта Барта и младшего Ференца Надя, Райк забрал себе протоколы допросов и приказал прекратить следствие. Ласло Райк вызвал к себе Барта, сообщил ему о том, что выяснилась его связь с заговорщиками, и предложил подать в отставку. Барта подал в отставку, а затем бежал за границу.

Райк, говорит свидетель, сообщил и Ференцу Надю о выяснившейся во время следствия связи его сына с заговорщиками. Тогда младший Ференц Надя, занимавший пост атташе в венгерской миссии в Вашингтоне, узнав об этом, не вернулся на родину.

Я знаю, говорит свидетель, что у одного из участников заговора — Сент-Ивана Домокопа была найдена рукопись, компрометирующая Райка и некоторых других членов тогдашнего правительства Венгрии. Райк взял эту рукопись себе и дал следственным органам указание не задавать арестованным заговорщикам никаких вопросов об этой брошюре. На квартире одного из заговорщиков было обнаружено письмо, в котором говорилось, что этим антиреспубликанским заговором руководит Ференц Надя, и назывались другие имена. Райк и это письмо забрал себе. Все это ему удавалось, так как он протаскивал в министерство внутренних дел, полицию и органы государственной безопасности своих людей.

Далее свидетель подробно рассказывает о связях Райка с югославскими шпионами и заявляет, что подсудимый Райк дал ему прямое указание передавать Бранкову все, даже секретные сведения, которые тот будет требовать. Свидетель перечисляет все данные, представляющие собой государственные секреты, которые он за время своей работы сообщил югославским разведчикам.

Эндре Себеньи показывает, что он присутствовал при разговоре Бранкова с Райком, во время которого Бранков потребовал удалить с венгерско-югославской границы те венгерские семьи, которые, по сведениям УДБ, враждебно относятся к Югославии. Райк, говорит Себеньи, дал указание Отто Хорвату и тот удалил с границы 70 семейств, которые в результате этого стали враждебно относиться к венгерской демократии.

Следующим допрашивается в качестве свидетеля Шандор Черешнеш, который рассказывает, что, находясь во время войны в рядах английской армии, в январе 1944 года он был привлечен на службу английской разведки.

— В том же году, — говорит он, — находился в армии в Италии, я установил связь с югославской разведкой ОЗНА. Мне дали задание — по прибытии в Будапешт связаться со своим старым другом Ласло Райком, который устроил меня в министерство внутренних дел. Райка я знаю с 1937 года по Испании, а затем был вместе с ним во французских концлагерях, где Райк вел троцкистскую деятельность. В этих лагерях действовала также группа югославских троцкистов, в составе которой были Коста Надж, Милич, Илич и другие.

Свидетель рассказывает, что по возвращении в Венгрию он откровенно рассказал Райку о своих связях с английской и югославской разведками, на что Райк ответил, что он об этом информирован. Вскоре Райк назначил Шандора Черешнеша руководителем отдела печати министерства внутренних дел. Находясь на этой должности, Черешнеш стремился, по указаниям Райка, популяризировать его. Он рассказывает, что Райк всячески препятствовал приему на работу в министерство представителей рабочего класса и, наоборот, насылал аппарат министерства антидемократическими элементами. Черешнеш называет имена людей, принятых на работу по распоряжению Райка — Дьюла Фишер, Ласло Зилиха, Андриш Виллани, Бела Коронди, Амбруше (Бела Визнар) и другие.

Черешнеш показывает, что, как ему известно, Райк был на хорошем счету у югославских руководителей и что группа Тито рассчитывала на него.

После этого допрашивается любовница бывшего посланника Югославии в Венгрии Карло Мразовича — учительница из города Пакиш, свидетельница Дьердь Тарисняш. Она рассказывает, что во время разговоров с ней Мразович говорил о том, что народы долины Дуная должны объединиться, что нельзя допустить, чтобы Венгрия находилась под влиянием Советского

Союза. Тарисняш рассказывает о всех своих встречах с Мразовичем, а затем говорит, что однажды он попросил ее помочь организовать охоту у знакомого им Антала Клейна.

— С Клейном, — говорит она, — мы договорились. Через несколько дней Мразович приехал вместе с мужчиной, которого я в лицо раньше не знала, но позже, во время очной ставки с Райком, я узнала в нем того человека, который приехал на охоту вместе с Мразовичем. Затем мы встретили еще одного мужчину. Мне показалось странным, что Мразович не представил мне этих двух знакомых мне лиц. Они гуляли около охотничьей сторожки и разговаривали, причем Мразович переводил их разговор. Я слышала только отдельные, случайно долетавшие до меня фразы. Мразович говорил о Югославии и сказал, что надо действовать. Они упоминали имя некоего Тито, который будет военным министром. Часто произносили они имена Ранюши и Фаркаша. У меня было такое чувство, что меня Мразович приглашал только для того, чтобы придать этой поездке вид прогулки.

Председатель суда показывает свидетельнице фотографию министра внутренних дел Югославии Ранковича, и свидетельница уверено заявляет, что именно этого человека она видела во время охоты у Антала Клейна в обществе Райка и Мразовича.

Суд переходит к допросу свидетеля Антала Клейна. Свидетель рассказывает о своих неоднократных встречах с Мразовичем, который приезжал на охоту в его охотничью усадьбу, расположенную близ города Пакиш.

— Однажды, — говорит он, — моя знакомая Тарисняш и Мразович нанесли мне визит и попросили разрешить приехать ко мне на охоту. Мразович обратился с просьбой встретить их на крыльце и чтобы его я правил лично, так как он не хочет, чтобы кто-нибудь знал о его приезде. Когда я их привел к месту охоты, они попросили подождать их возвращения. Часа через два с половиной они возвратились, и я отвел их опять до шоссе, где они пересели в автомобиль. Меня удивило, что, приехав вместе с ним, Мразович, Мразович мне его не представил. Странным мне показалось также то, что с охоты они возвратились без охотничьих трофеев. Тарисняш, возвратившаяся в плохом настроении, сказала мне, что они даже не охотились.

Председатель, показывая на подсудимого Райка, спрашивает свидетеля, узнает ли он в нем того человека, который был тогда на охоте с Мразовичем. Свидетель, посмотрев на подсудимого Райка, отвечает утвердительно.

Следующим допрашивается Деме Немет, выступающий на данном процессе в качестве свидетеля. Немет показывает, что он познакомился с Палфи в 1945 году и быстро убедился в том, что Палфи является таким же националистом и врагом демократического режима, как и сам Немет. На этой почве между ними устанавливаются прочные дружеские отношения. В 1946 году Немет назначается начальником штаба пограничных войск. В конце 1946 года Палфи вызвал к себе Немета, рассказал ему, что состоит в связи с югославским резидентом Бранковым и потребовал от Немета поставлять Бранкову сведения о состоянии пограничных войск. Очень важно, сказал он, чтобы Бранков получал сведения не окольными путями, а непосредственно от вас.

Через два дня, — показывает Немет, — я, сославшись на Палфи, посетил Бранкова. Бранков сказал, что уже давно поджидает меня. Во время завязавшегося разговора Бранков прощупал мое мировоззрение, пытаясь установить, являюсь ли я достаточно убежденным националистом. Затем разговор перешел непосредственно к разоблачению дальнейших шпионских связей. Мы договорились о том, что я буду лично посылать ему нужные сведения. В дальнейшем я сообщил ему о вооружении, состоянии и структуре пограничных войск, о местонахождении пограничных войск, сообщил фамилии и политические характеристики командиров. Бранков в первую очередь интересовался положением на венгерско-югославской границе. От Бранкова было получено указание пригласить на командные посты в пограничных войсках бывших хорватских офицеров, которых вследствие их преступного прошлого югославская разведка легко могла завербовать. В соответствии с указаниями Бранкова, охрана венгерско-югославской границы была ослаблена с таким расчетом, чтобы югославские разведчики легко могли перейти ее. Давались также указания относительно венгерско-чехословацкой и венгерско-румынской границ. Здесь задача состояла в том, чтобы вызвать недоверие у пограничного населения, обострять отношения с соседними странами. Бранков поручил мне установить слабо

охраняемые места на советско-венгерской границе, через которые югославские органы могли бы забрасывать в СССР шпионов и диверсантов.

В начале мая 1948 года Палфи пригласил меня к себе и сказал, что югославы очень довольны моей шпионской работой и рекомендуют направить меня в качестве венгерского военного атташе в СССР. Палфи заметил одновременно, что мне необходимо изучить русский язык, чтобы таким образом завоевать доверие советских людей и, введя их в заблуждение, получать необходимые шпионские сведения. Одновременно он рекомендовал установить тесную связь с военными атташе демократических стран, чтобы и от них черпать секретные сведения, которые были нужны югославской разведке. Палфи требовал, чтобы я доставлял сведения о структуре, дисциплине и вооружении Советской Армии и рекомендовал брать первое время крайне осторожные меры, чтобы не вызвать подозрения у советских органов.

— В Москве, — показывает свидетель, — мной была установлена связь с послом Югославии Мразовичем. Мы встретились с ним на одном из официальных приемов. Мразович сказал, что он обо мне уже имеет сообщения от Палфи и Бранкова, и тут же попросил передать ему сведения, которые я собрал. Здесь же мы договорились, что дальнейшие встречи будут происходить на официальных приемах, чтобы не вызывать подозрений. Мразович поручил мне доставлять данные о состоянии Вооруженных Сил СССР, а также достоверные сведения о развитии народной демократии в СССР, так как югославам стали относиться с недоверием. Я, мне, как представителю народной демократической Венгрии, необходимо восполнить эту брешь.

— Я, — показывает свидетель, — неоднократно передавал Мразовичу сведения, представляющие государственную тайну. Узнав о заявлениях Бранкова, в котором он отрекся от Тито и перешел на сторону Коминформа, и боясь, что он разоблачит нас, я спросил Мразовича, как мне следует поступать в дальнейшем. Мразович успокоил меня, заверив, что заявление Бранкова о разрыве с Тито является только маскировкой, имеющей целью облегчить его шпионскую деятельность.

Свидетель Йозеф Рекс рассказывает, что с августа 1945 года он является агентом югославской разведки, завербованным подсудимым Бранковым, который использовал при вербовке угрозу разоблачения Рекса как дезертира из партизанского отряда. Работая в аппарате министерства иностранных дел Венгрии, Рекс по заданию Бранкова собирал и передавал югославской разведке секретные материалы. С помощью Бранкова, он был избран секретарем венгерско-югославского общества и по указаниям югославской разведки использовал общество для популяризации Тито.

Рекс рассказывает, что, будучи в 1947 году секретарем венгерской миссии в Белграде, он выкрал секретные материалы миссии и передал их сотрудникам югославского министерства иностранных дел Петру Добровичу.

Свидетель Йозеф Хетгедюш рассказывает, что его завербовал в качестве агента ОЗНА в период его пребывания в рядах югославской армии. В конце января 1945 года его перебросили через венгерскую границу, снабдив подложными документами. В Будапеште он поддерживал связь с Бранковым и Йорским, а позднее с Смиляничем. Также работая в венгерско-югославском обществе, свидетель проводил подрывную и шпионскую деятельность, направленную против венгерской народной демократии. Все это он делал по указанию югославской разведки.

Хетгедюш рассказывает, что, встретившись с Бранковым после того, как тот опубликовал свое заявление о разрыве с Иличем Тито, он неожиданно узнал от Бранкова, что это заявление сделано им лишь для маскировки своей шпионской деятельности. Бранков, говорит свидетель, попросил меня продолжать работу, и после этого я регулярно отчитывался перед ним о своей деятельности.

Следующий вызывается свидетельница Любика Хрибар, с помощью угрозы и прямого насилия завербованная сотрудниками югославской миссии в Будапеште в качестве агента югославской разведки. Она рассказывает, что у нее несколько братьев находилось в Югославии. Когда она однажды посетила югославскую миссию, там ее встретил Йорский, с которым она была знакома еще раньше. Во время беседы он поинтересовался, не собирается ли она вернуться в Югославию. Хрибар ответила отрица-

тельно. Во время второй встречи с ней, Йорский заявил, что так как она имеет хорошие связи с аристократическими и церковными кругами Венгрии, она, как югославка, обязана информировать об отношении этих кругов к Тито и венгерскому правительству. Он и Чачинич, говорит она, предложили мне работать на югославскую разведку. В ответ на мой отказ подчиниться их требованиям, мне стали угрожать.

Летом 1947 года, рассказывает свидетельница, они вызвали меня, и Чачинич показал мне югославскую газету, где сообщалось об аресте одного моего брата, находившегося в Югославии. Если я не буду работать на УДБ, сказал Чачинич мне, то моего брата казнят. Он заявил, что уже сообщил в Югославию о моем согласии. Я ничего на это требование не ответила, и они решили, видимо, что я таким образом выразила свое согласие.

Вскоре я зашла в консульский отдел югославской миссии, чтобы получить визу на поездку в Вену, которую могла получить только через югославскую миссию, так как являлась беженкой из Югославии. Меня неожиданно заперли в какую-то комнату, а через два дня два сотрудника миссии заставили меня сесть в машину и вместе с другим каким-то шведским человеком доставили к югославской границе. Меня переправили на югославскую территорию, где нас уже ждал грузовик с солдатами. На этот грузовик принесли 3 человека с завязанными глазами.

Свидетельница рассказывает далее, что в Белграде Бланши и Йорский настаивали на том, чтобы она согласилась вести разведывательную работу и поддерживать связь между югославской и английской разведкой в Венгрии. Под угрозой, что меня убьют, говорит Хрибар, я согласилась подписать обязательство. После этого Чачинич отвез меня обратно в Будапешт.

Суд вызывает свидетеля Живко Боарова, бывшего сотрудника югославской миссии в Будапеште, совершившего по приказу Ранковича убийство Милоша Монча.

Боаров рассказывает, что был послан в Будапешт югославской разведкой и для маскировки своей шпионской деятельности занимал пост пресс-атташе миссии Бранков, который вначале был одним из представителей югославской разведки, а затем главным резидентом УДБ в Венгрии, показывая свидетелю, давал мне указания широко популяризировать Тито, используя для этого журнал, издаваемый венгерско-югославским обществом, а также газеты южных славян в Венгрии. Одновременно, говорит свидетель, я должен был создавать шпионскую сеть в различных организациях Венгрии и собирать данные о внутривластном положении страны.

Отвечая на вопрос председателя суда, свидетель называет имена агентов югославской разведки, работавших в Венгрии, — Тибора Рекс, Йозефа Рекс, Йозефа Хетгедюша, Золтана Чуну, Шандора Черешнеш и Золтана Майора.

По поводу обстоятельств убийства Милоша Монча Боаров рассказывает, что опубликования резолюции Информбюро компартии Монч заявил, что он согласен с резолюцией и хочет публично выступить против Тито, а также, что он собирается разоблачить шпионскую деятельность югославских дипломатов в Венгрии.

— Когда об этом сообщили в Белград, — говорит Боаров, — Ранкович дал указание перебраться Монча в Югославию или, если это не удастся, уничтожить его. Выполнить это задание Бранков поручил мне. Я отказался. Бранков и Бланши сообщили о моем отказе посланнику Мразовичу. Тогда Мразович потребовал, чтобы я настаивал на выполнении приказа Ранковича. Я вынужден был согласиться, и Мразович передал мне пистолет.

Свидетель Боаров рассказывает, что через некоторое время он отправился к Мончу, пытаясь уговорить его отказаться от своего намерения разоблачить югославских руководителей. Но так как Монч твердо стоял на своем, Боаров выхватил пистолет и застрелил Монча.

Возвратившись в югославскую миссию, говорит он, я сообщил о выполнении задания Бранкову, так как Мразович в это время уже был в Белграде.

Подсудимый Бранков с разрешения председателя суда делает дополнительное заявление, в котором пытается доказать, что он не давал задания Боарову убить Монча и что он, Бранков, вообще не был против убийства Монча.

Следующим в качестве свидетеля допрашивается Иван Фальди. Он показывает, что принимал участие в деятельности троцкистской группы Сеньи, находившейся в Швейцарии в 1944—1945 годах. В течение трех лет Фальди выполнял роль связного между этой троцкистской группой и американской разведывательной организацией, которая действовала под видом благотворительной комиссии унитарной церкви — УСК, возглавлявшейся Нозль Х. Филдом.

— Сеньи, — говорит свидетель, — сам рассказывал мне о своих связях с Нозль Х. Филдом, а также о том, что для работы на американскую разведку он завербовал Даллеса. Через Сеньи американской разведкой были завербованы: Ференц Ваги, Дьердь Деметер, Андриш Кальман, Янош Добо, Дьюла Кути, Имре Ходос, Петер Надя, Тамаш Ач и Петер Балабан.

— В 1945 году, — продолжает свидетель, — было решено часть группы Сеньи перебросить в Венгрию в тыл Советской Армии. Вторую часть группы во главе со мной было решено понаставить в Швейцарии. Первая группа перед выездом в Венгрию получила задание Даллеса развешивать по прибытии на место шпионскую подрывную деятельность, саботировать выполнение хозяйственных планов и стремиться как можно более дезорганизовать всю внутривластную жизнь страны. Конечная цель заключалась в свержении демократического правительства, установлении буржуазно-демократического режима и переводе Венгрии в лагерь империализма.

— Первая часть нашей группы, — говорит Фальди, — была перебросена в Венгрию в 1945 году с помощью американской и югославской разведки. Он подробно рассказывает о пути, по которому ехала эта группа, и о помощи, которую оказывали ей по дороге представители американской и югославской разведки во Франции и Югославии.

— С 1945 года, — продолжает рассказывать свидетель, — я выполнял, как уже говорил ранее, роль связного между группой Сеньи, находившейся в Венгрии, и органами американской разведки в Швейцарии. Присланные мной материалы, я передавал Нозль Х. Филду. В ноябре 1945 года, когда я на короткое время приехал в Венгрию, состоялось тайное совещание, на котором присутствовали Сеньи, Ваги и я. Сеньи дал Ваги указание через специальных курьеров посылать мне в Швейцарию собранные данные. В мае 1946 года, говорит свидетель, я снова приехал в Будапешт и передал Сеньи письмо от Нозль Х. Филда. Сеньи дал мне указание договориться с Нозль Х. Филдом об установлении нового канала связи на тот случай, если я вернусь на постоянную работу в Венгрию.

— Из бесед с Нозль Х. Филдом, — говорит Иван Фальди, — я хорошо знаю о том, что американская и югославская разведки постоянно тесно сотрудничали. Об этом мне известно также от Мишана Ломпар и Фриго Конфиню. С этой югославской шпионкой, Фриго Конфиню, мне приходилось тесно сотрудничать.

В заключение свидетель показывает, что ему хорошо известно

о существовании в Швейцарии большой шпионской сети югославской разведки.

Далее суд допрашивает свидетеля Андриша Кальмана. Он также подробно рассказывает о деятельности в Швейцарии троцкистской группы Сеньи, перечисляет имена членов этой группы, упоминавшихся уже в показаниях свидетеля Ивана Фальди, и, кроме того, имя еще одного троцкиста — Иштвана Детре. Свидетель показывает, что Нозль Х. Филд систематически оказывал материальную помощь Сеньи и его группе. Свидетель подтверждает показания подсудимого Сеньи о разоблачении меморандума, который их троцкистская группа передала Аллену Даллесу, о встречах и переговорах с Даллесом, а также относительно помощи, которая была оказана представителями американской и югославской разведки в переброске их шпионской группы в Венгрию.

Американская разведка, говорит Кальман, выдала нам подложные документы и секретные письма, адресованные в ОЗНА, в которых говорилось, что мы являемся сотрудниками американской разведки. Перебравшись с помощью американской разведки во Францию, мы обратились по ее указанию к находящемуся в Марселе Латиничу. При его помощи мы получили американский военный самолет для поездки в Белград. Из Белграда сотрудники ОЗНА на своей машине доставили нас в город Сегед, где мы уничтожили свои подложные документы, и тогда Сеньи познакомил нас с заданием Даллеса.

Свидетель подробно рассказывает о шпионской и подрывной деятельности группы Сеньи.

Затем суд переходит к допросу свидетеля Миклош Рети, который занимал пост главного инспектора отдела хорватской политической полиции в городе Печ. Он рассказывает подробности того, как был завербован в качестве агента-прокатчика подсудимый Андриш Салаи. Свидетель приводит факты гнусной шпионско-прокатной деятельности этого предателя, который сейчас сидит на скамье подсудимых.

Допрошенный затем свидетель Лайош Либбергер, который в 1943—1944 годах был начальником тюрьмы в Шатарья-Уйкей, рассказывает о том, как подсудимый Андриш Салаи сообщил ему о готовящемся побеге заключенных. В результате этого доноса во время схватки с военными частями, прибывшими к тюрьме в день побега, как показывает свидетель, были убиты 54 заключенных, а из оставшихся в живых 10 были казнены.

Свидетельница Дьердь Вандори рассказывает, что подсудимый Пал Юстус дал ей указание создать подпольную троцкистскую группу с тем, чтобы потом каждый из членов этой группы создал свой кружок.

В состав моей группы, говорит она, вошло 20 человек. На наших собраниях выступал с докладами Юстус, который с ненавистью отзывался о народной демократии и клеветал на членов правительства Венгерской народной республики. В период проверки членов венгерской партии трудящихся он дал нам указание показывать, что мы будто бы являемся самыми искренними сторонниками народно-демократического строя. Юстус неоднократно говорил нам, что надо готовить себя к активной борьбе против существующего демократического строя и что в нашей борьбе нам окажут помощь США и Югославия.

Последний допрашивается свидетельница Ласло Флейшер (Илона Дерети). Она рассказывает, что с февраля 1945 года до июля 1948 года была личным секретарем подсудимого Пала Юстуса. Флейшер показывает, что Пала Юстус часто посещал пресс-атташе французской миссии в Будапеште Франсуа Гашо, и что он подолгу беседовал с Юстусом.

Допросом этого свидетеля закончилось сегодняшнее заседание суда.

На скамье подсудимых — не только Райк и его сообщники, но и их хозяева из Белграда и Вашингтона

Речь государственного прокурора Дьюла Алапи

БУДАПЕШТ, 21 сентября. (ТАСС). Сегодня на процессе венгерского государственного преступника Райка и его сообщников с речью выступил государственный прокурор Дьюла Алапи.

В своей речи он сказал:

Уважаемый народный суд! Процесс Ласло Райка и других заговорщиков — его сообщников, который уже около недели продолжается здесь, закономерно вызвал огромный отклик в нашем трудовом народе, среди наших иностранных друзей и в равной мере среди наших иностранных врагов. Это и понятно. Этот процесс представляет исключительную важность, без преувеличения я могу утверждать, что он имеет междуна-

родное значение. Ведь здесь нужно вынести приговор не только таким обвиняемым, которые подняли руку на государственный строй нашей народной республики, на великие завоевания нашей демократии, но и таким, которые в своей заговорнической деятельности были орудием, марионетками иностранных империалистических врагов венгерского трудового народа, строящего социализм. На скамье подсудимых сидят не только Райк и его сообщники, но и их иностранные хозяева, их подстрекатели — империалисты из Белграда и Вашингтона.

Чем характерен этот процесс? Он характерен, в первую очередь, тем, уважаемый народный суд, что на скамье подсу-

димых сидят заклятые враги венгерской народной демократии. Ведь заклятым врагом нашей народной демократии была уже и заговорщицкая компания Ференца Надя, которой венгерский народный суд вынес в свое время свой приговор. Заклятым врагом нашей народной демократии был Йозеф Миндсенти, который также получил заслуженное наказание. Ласло Райк и его сообщники отличались от тех врагов нашей народной демократии, на которых в последние годы обрушилась карающая рука демократического правосудия, кроме всего прочего, и тем, что они превратили в

(Продолжение на 4 стр.)